

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-132-150

**«СКРОМНАЯ УЧЕНИЦА» И «ВЕЛИКИЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ»:  
ПИСЬМА Н. А. ПАВЛОВИЧ К АНДРЕЮ БЕЛОМУ****(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ  
© Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)**

Надежда Александровна Павлович (1895—1980) известна прежде всего как поэтесса, входившая в окружение Александра Блока. Она — автор воспоминаний и поэмы о поэте,<sup>1</sup> один из организаторов (вместе с Блоком) Петроградского Союза поэтов в 1920 году.<sup>2</sup> Ее имя связывается также с Вяч. Ивановым и В. Брюсовым, ученицей которых она себя считала.<sup>3</sup> Архивные разыскания последних лет позволяют дополнить представление о творчестве поэтессы, молодость которой пришлось на драматические события русской истории: Первая мировая война, две революции в 1917 году, гражданская война, голод, разруха. По словам самой поэтессы, ей довелось увидеть «как смещались пласты истории и пласты человеческого сознания».<sup>4</sup>

Публикация эпистолярного комплекса, состоящего из 11 писем Надежды Павлович к Андрею Белому, дает возможность в некоторой степени прояснить историю создания поэтессой поэмы «Серафим», написанной под влиянием Белого, а также дополнить представление о ее литературном окружении, в которое в 1918 году вошел и Андрей Белый. Несмотря на то что письма не имеют датировок, по содержанию мы можем их отнести к 1917 — началу 1919 года.

Напомним, что Андрей Белый возвратился в Россию в сентябре 1916 года. В 1913—1916 годы он жил за границей, с 1914 года — в Швейцарии, где участвовал в строительстве антропософского центра Гетеанума в Дорнахе под руководством Рудольфа Штейнера. Отмечая новые знакомства, состоявшиеся после приезда в Москву в октябре 1916 года, Белый кратко отметил: «...переписка с Павлович».<sup>5</sup> Однако писем 1916 года обнаружить не удалось. Возможно, в автобиографических записях, которые делались ретроспективно, Белый допустил ошибку.

По всей видимости, личное знакомство молодой поэтессы и Андрея Белого состоялось не в 1916 году, а несколько позже.

Первое сохранившееся письмо Павлович (п. 1) было написано, вероятно, зимой 1917—1918 года под впечатлением от посещения лекций Андрея Белого. В нем говорится об интересе курсистки к антропософии, не уверенной в том, может ли она считать Андрея Белого Учителем. При этом обращает на себя внимание тот факт, что речь в письме идет не о поэтическом учительстве, а антропософском.

Мы можем предположить, что Павлович могла слушать публичную лекцию Белого «Жезл Аарона (о слове в поэзии)», состоявшуюся 24 января 1917 года в Мо-

<sup>1</sup> Павлович Н. А. 1) Воспоминания об Александре Блоке. Поэма // Новый мир. 1946. № 7—8. С. 120—126; 2) Воспоминания об Ал. Блоке / Вступ. заметка З. Г. Минц, комм. З. Г. Минц и И. Чернова // Блоковский сборник. Тарту, 1964. <1>. С. 446—506. Более подробно об отношениях Блока и Павлович см.: Гончарова Е. И. «Запомнить все, отметить и сберечь...» (Надежда Павлович об Александре Блоке) // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 2011. <Т. 4>. С. 276—308.

<sup>2</sup> См.: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисловие и публ. М. В. Рождественской, комм. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 684—685.

<sup>3</sup> См.: Шинкарева Н. Ю. 1) Образные и мотивные переклички в лирике Вяч. И. Иванова и Н. А. Павлович // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31). Ч. 2. С. 209—212; 2) Образные и мотивные переклички в лирике В. Я. Брюсова и Н. А. Павлович // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. Филология. 2013. № 2. С. 7—15; Обатнин Г. В. Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // Русская литература. 2014. № 4. С. 270—277.

<sup>4</sup> ИРЛИ. Ф. 578 (Н. А. Павлович). Фонд находится в стадии архивной обработки. Ссылки на фонд даются без указания единиц хранения.

<sup>5</sup> Андрей Белый. Ракурс к дневнику // Лит. наследство. 2016. Т. 105. С. 429.

ске в Малом зале консерватории. Эта лекция, посвященная новому методу стихосложения, вполне могла привлечь внимание молодой поэтессы, которая печаталась в московских журналах и альманахах.

Очевидно, выступления Белого с эстрады она слушала неоднократно. Действительно, в октябре—декабре 1917 года Андрей Белый читал курс лекций «Мир, Мысль, Дух в свете новой культуры». Согласно объявлению антропософского издательства «Духовное знание» лекции-беседы Белого устраивались по воскресеньям и читались два раза в месяц. Лекции состоялись 15 и 29 октября, 12 и 26 ноября, 10 и 17 декабря. В январе 1918 года курс читался на Остоженке и закончился в конце февраля.<sup>6</sup> Примечательно, что одно из писем написано на бланке издательства «Духовное знание», другое — на обороте бланка «Русского антропософического (так!) общества». Одно из посланий (п. 3) писалось поэтессой на Садовой-Кудринской улице, в доме № 6. Сюда в январе 1918 года переместилось Антропософское общество и здесь же с 14 февраля жил Андрей Белый и его друг Алексей Петровский<sup>7</sup> — оба, как известно, антропософы. Судя по этому краткому письму, Павлович заходила совершенно свободно в Антропософское общество.

В «Воспоминаниях об Ал. Блоке» Павлович, как ни странно, подчеркивала отношения с Белым именно по антропософской линии: «В 1918 году я часто встречалась с Белым. Сам он на одной из своих книжек, подаренных мне, написал о нашей дружбе. Я бы наши отношения дружбой не назвала. Он был нечто вроде „великого посвященного“ от антропософии, я — скромной ученицей, которую он считал способной и заслуживающей доверия. Лекциями Белого я увлекалась, и мне казалось, что я вижу его чудесно сияющую и переливающуюся „ауру“». <sup>8</sup> О том, что Павлович увлекалась мистическими воззрениями, читала определенную литературу, свидетельствует ее автобиографическая запись: «В юности же я увлекалась мистическими учениями, и Соловьевым. <...> Читала я Сведенборга, Рейсбрука Удивительного, Штейнера, Бема, Соловьева». <sup>9</sup> Как и подавляющая часть русской интеллигенции Павлович искала некую духовную опору в это смутное время, и поддержку она находила в беседах с Андреем Белым.

После возвращения в Россию Белый ощущал себя носителем антропософского знания, безусловно воспринимая всю свою деятельность как высокую духовную миссию. Курс его лекций «Мир, Мысль, Дух в свете новой культуры» привлекал обширную аудиторию. Белый в письме жене<sup>10</sup> так охарактеризовал аудиторию и ту психологическую обстановку, в которой читался им курс: «Мой курс слушают от 60 до 70 человек, главным образом курсистки; и — молодежь; и после каждой лекции приходится слышать со стороны изумление, или слова, вроде: „Если это философия антропософии, то — я хочу быть антропософом“. Получается круг друзей (неантропософов) вокруг нас. Пока все это очень зелено и надо много работать, чтобы утвердилась философия антропософии».<sup>11</sup> Среди этих слушателей, вероятно,

<sup>6</sup> Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 438—439. Курс назван кратко «Мир духа».

<sup>7</sup> Петровский Алексей Сергеевич (1881—1958) — ближайший друг Андрея Белого, член мистического кружка «аргонавтов», которые в начале XX века группировались вокруг Андрея Белого. Около 1910—1911 годов стал антропософом. Участвовал в 1914 году в строительстве Гетеанума в Дорнахе, организатор библиотеки Русского антропософского общества в Москве. Сотрудник библиотеки Румянцевского музея с 1907 года. Переводчик философских и эстетических работ, знаток истории мировой гравюры, коллекционер. Жил вместе с Андреем Белым на Садовой-Кудринской улице. См.: «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы / Вступ. статья, подг. текста, комм. Дж. Мальмстада. М., 2007.

<sup>8</sup> Павлович Н. А. Воспоминания об Ал. Блоке. С. 451.

<sup>9</sup> ИРЛИ. Ф. 578.

<sup>10</sup> Анна Алексеевна Тургенева (1890—1966), первая жена Андрея Белого, художница, антропософка, жила в это время в Швейцарии, в Дорнахе.

<sup>11</sup> Письмо Андрея Белого к А. А. Тургеневой от 21 февраля (н. ст.) 1918 года // Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 596.

была и двадцатитрехлетняя курсистка Павлович. Забегая вперед, заметим, что ее вовлеченность в мир антропософии была довольно длительной. Поэтесса освободилась от увлечения этим учением, когда приехала в 1922 году в знаменитый православный монастырь Оптину пустынь. Пережив духовный переворот, она стала духовной дочерью последнего оптинского старца Нектария.

Обрисую кратко биографическую канву жизни Павлович до ее знакомства с Андреем Белым. Свое дворянское происхождение она была вынуждена скрывать, поскольку по своему социальному статусу оказалась чужеродным элементом для советской власти. В книге мемуаров «Невод памяти», над которой она работала в 1950-е годы, возвращаясь мысленно в свое детство, она писала: «Жизнь наша напоминала помещицью: пятнадцать комнат — четыре служебных отца и одиннадцать жилых — наша квартира. Были две светлых террасы, сад и большой огород, сбегаящий к реке. Речка эта — Оризар — соединяла два озера — Инес и Алуkst. Протекала она по границе парка, под тихими огромными деревьями».<sup>12</sup> Семья происходила из обедневшего шляхетского польско-литовского рода Одровонжей. Отец, мировой судья, хранил грамоты с печатями польских королей. Мать — полуполька, полусербка, принадлежала к богатому роду Окуневич-Таргонских. Детство Надежды Павлович прошло в Лифляндии (теперешней Латвии), в Вецпиебалге, где семья жила в просторном флигеле дворца графа Шереметева.

В 1912 году Павлович закончила Александровскую женскую гимназию в Пскове. Ее поэтический дебют состоялся в 16 лет, когда она начала печатать стихи в газете «Псковская жизнь». Решив продолжить образование, Павлович в 1914 году приехала в Москву, по всей видимости, уже во время начавшейся войны, и поступила на словесное отделение Высших женских историко-филологических курсов В. А. Полторацкой.<sup>13</sup> В первом письме к Андрею Белому, сообщив, что она заканчивает Курсы, она известила его, что она журналистка. Павлович очень быстро вошла в среду художественной и литературной молодежи. В «Первом сборнике группы молодых поэтов» был напечатан цикл из четырех стихотворений «Лазаретные стихи».<sup>14</sup> Наполненные автобиографизмом стихи отразили чувства сестры милосердия — поэтесса служила одно время в Москве в лазарете. Вскоре в журнале «Наша Родина» напечатано стихотворение «Гаданье».<sup>15</sup> Через Бориса Вогау, выступившего в это время в литературе под псевдонимом Борис Пильняк (с ним у нее завязался роман),<sup>16</sup> Павлович начала сотрудничество с новым журналом «Млечный путь»<sup>17</sup> и альманахом «Сполохи».<sup>18</sup> Среди ее друзей поэты — Николай Асеев, Велимир Хлебников, художники — Лев Бруни, Владимир Татлин. Ха-

<sup>12</sup> Павлович Н. А. Невод памяти / Публ. Т. Н. Бедняковой // Человек. 1996. № 5. С. 174—175.

<sup>13</sup> Высшие женские историко-филологические курсы В. А. Полторацкой (1906—1917) размещались у Никитских ворот в доме Скоропадского (ныне Никитский бульвар, д. 14). В 1909 году курсы получили статус высшего учебного заведения. Цель курсов — давать слушательницам высшее образование по программе историко-филологического факультета Императорских Российских университетов. Диплом приравнивался к университетскому. Курсы были платными, обучение длилось четыре года. На курсах были открыты два отделения: словесное и историческое.

<sup>14</sup> Первый сборник группы молодых поэтов. Стихи. М., 1914. С. 9—11.

<sup>15</sup> Наша Родина. 1915. № 19. С. 5.

<sup>16</sup> Об истории взаимоотношений Н. Павлович и Б. Пильняка см.: Андроникашвили-Пильняк К. Б. Борис Пильняк: 1915 год. История любви и творчества // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения (По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя). М., 1995. С. 158—161.

<sup>17</sup> В журнале «Млечный путь» были напечатаны стихотворения Павлович «И снова скованной душой...», «Вечер» (1916. № 1. С. 3; № 2. С. 5).

<sup>18</sup> В альманахе «Сполохи» было напечатано стихотворение Павлович «В небе месяц звенит хрустальный...» (1916. № 10. С. 68). Стихотворение, вероятно, было посвящено Борису Пильняку.

рактально одно из стихотворений, включенное в первый неопубликованный поэтический сборник:

Желтолицый бог, тяжелый, сонный,  
Что ты видишь, что ты знаешь, боже?  
На губах, в улыбке затаенной  
Тот же желтый отсвет темной кожи.  
Над пустынным финикийским молом  
Хорошо стоять в тяжелой сони,  
А по небу топотом веселым  
Пробегают огненные кони;  
И таинственную темной дремой,  
Точно опиум исходит синим дымом,  
Созерцаешь ты простор знакомый  
И запыленные спины пилигримов.<sup>19</sup>

Плавный ритм стихотворения, посвященного скульптору Нине Нисс-Гольдман,<sup>20</sup> герметичность текста — все указывало на ориентированность поэтессы на символизм. По ее собственному признанию, она писала стихи «сугубо символические». «Причисляю я себя к символистам, — писала она в автобиографии, — не потому, что символизм как литературная школа мне больше нравится, а просто потому, что символистами люди рождаются или не рождаются. Я родилась. И мир, и искусство воспринимаю я музыкально».<sup>21</sup>

В бурном 1918 году она весьма активно участвует в литературной жизни Москвы: на вечере кружка «Зеленое яблоко» читает поэму «Ангел мщения»,<sup>22</sup> печатается в самых различных сборниках. В издании «Альманах муз: Песня любви» (М., 1918) ее лирические стихи помещены рядом со стихотворениями К. Бальмонта, Вяч. Иванова. Стихотворения «Черное море» и «Извечную печаль таит в себе природа...» появляются в воронежском журнале «Сирена» (1918. № 1). Вместе с Сергеем Спасским<sup>23</sup> и Семеном Рубановичем<sup>24</sup> (их имена упоминаются в письмах)

<sup>19</sup> РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. № 723. Л. 1 об. Упоминание об этом стихотворении сохранилось в отзыве Вяч. Иванова о первой книге стихов Павлович, см.: *Обатнин Г. В.* Из архивных разысканий о Вяч. Иванове. С. 272.

<sup>20</sup> Нисс-Гольдман Нина Ильинична (урожд. Рындзюн; 1892—1990) — скульптор, художник, училась в Париже, участница выставок «Мир искусства».

<sup>21</sup> ИРЛИ. Ф. 578.

<sup>22</sup> Указание на чтение поэмы «Ангел мщения» см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. С. 126. Автограф поэмы «Ангел мщения» не удалось обнаружить. Однако сохранился автограф фрагмента поэмы с подобным названием — «Ангел кары» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. № 723. Л. 3 об.).

<sup>23</sup> Спасский Сергей Дмитриевич (1898—1956) — поэт, близкий к футуристам, прозаик, переводчик, друг Павлович. «Семнадцатилетний Сережа Спасский с синей вилочкой, нарисованной на щеке» (*Павлович Н. А.* Невод памяти // *Человек.* 1996. № 6. С. 174). В 1917 году выпустил первый, состоящий всего из 16 страниц, сборник лирических стихов «Как снег» (М., 1917). Выступал в 1918 году с чтением стихов в кафе-кабаре «Музыкальная табакерка», участник «Живых альманахов», модных в первые годы после революции. Познакомился с Андреем Белым в апреле 1918 года в Москве. Вместе с Павлович и М. П. Герасимовым — один из организаторов Самарского Пролеткульта. Автор романа «1916 год» (Ленинградский альманах. Л., 1937. С. 14—187). О его более поздних отношениях с Андреем Белым см.: Письма Андрея Белого к С. Д. и С. Г. Спасским / Вступ. статья, прим. Н. Алексеева, подг. текстов В. С. Спасской // *Ново-Басманная*, 19. М., 1990. С. 642—662.

<sup>24</sup> Рубанович Семен Яковлевич (1888—1932?) — поэт из круга московских символистов, знакомый Андрея Белого с 1903 года. Вместе с Белым принимал участие в заседаниях Общества свободной эстетики, основанного в Москве при участии В. Я. Брюсова, в 1906 году. Белый, перечисляя кружки, в которых он бывал и работал в 1907—1911 годы, назвал и принимавшего участие в работе Общества Рубановича (*Андрей Белый.* Кружки людей, в которых мне приходилось бывать и работать // *Лит. наследство.* Т. 105. С. 808). Любопытна характеристика, данная Рубановичу Эллисом в письме к Брюсову: «Что касается Рубановича, то он всецело воспитан мной и А. Белым. Он хорошо знает всего Бодлэра, Верхарна (частично), Шопенгауэра, некото-

Павлович выступает с чтением стихов в московских кафе «Домино» на Тверской улице и «Савой» на Софийке, поменявшем название на «Венок искусств». Сюда в апреле 1918 года в связи с открытием нового литературно-артистического кафе она пригласит Андрея Белого (п. 2).

Ее знакомство с Андреем Белым состоялось в начале апреля 1918 года, когда Павлович решила организовать Студию стиховедения при Литературной секции Московского союза учащихся искусству.<sup>25</sup> Для чтения лекций она пригласила Вяч. Иванова, В. Брюсова и Андрея Белого. В своих мемуарах она вспоминала первую личную встречу с Белым: «Мы постучали в дверь. Он открыл, увидел меня и засмущался. Он был в домашних туфлях. Комната его была увешана диаграммами для каких-то лекций по антропософии. В то время Белый часто и с огромным успехом выступал с ними. Он был великолепным оратором, выразительно жестикулировал. Иногда его жестикуляция почти переходила в танец. Фарфоровые глаза. Зрачок — буравчиком. Пух вокруг лысины дымился как ореол. Едва он услышал предложение читать лекции по ритму, он весь взвился. Тут же ему стали приходиться в голову новые идеи... он забегал по комнате... Вдохновился».<sup>26</sup> Студия стиховедения, разместившаяся в помещении училища М. Н. Геденовой на улице Большая Молчановка (д. 34), открылась в конце мая. Слушателями студии оказались преимущественно молодые поэты — их было более ста человек. В июне 1918 года Белый прочитал здесь лекцию, сделав отметку в автобиографических записях: «„О ритме“. Лекция в Студии Стиховедения».<sup>27</sup>

Павлович часто встречалась с Белым в это время. Они вели разговоры не только на мистические, но и на политические темы. «Он Октябрьскую революцию принимал, — писала Павлович, — правда, со своей символистической <так!> и мистической позиции, и укреплял меня в этом приятии».<sup>28</sup> О себе Павлович писала, что она «не была активной революционеркой», но ей казалось что вот-вот наступит мировая революция.

Отметим, что революционные события в России поначалу были встречены русскими антропософами с энтузиазмом. Характеризуя собрания московских антропософов в январе 1918 года, Белый отмечал: «...тон социальный радостный, бурно-тревожный соответствует бурно-тревожному времени. Эвритимия, музыка, стихи — все это процветает <...> Мы радостно смотрим вперед».<sup>29</sup>

Весной и летом 1918 года Белый отмечает частые встречи с поэтессой: «Всяческое появление Павлович», «...часто вижусь с Павлович».<sup>30</sup> Тогда ею и был написан цикл стихотворений «Горькая нежность», посвященный «Б. Б.», т. е. Борису Бугаеву. В феврале 1919 года больная туберкулезом поэтесса в письме к Белому (п. 10) призналась, что в мае—июне 1918 года она написала посвященные ему стихи. Лирический цикл должен был быть напечатан в сборнике «Вешние ветры», в издательстве «Московской трудовой артели художников слова», но сборник не вышел в свет. Однако в фонде С. В. Шервинского сохранились автографы стихотворений, которые должны были войти в первый сборник поэтессы. Среди автографов, которые мы можем датировать 1917—1918 годами, есть стихотворный цикл, состоящий из четырех стихотворений. Вероятно, он и был посвящен Андрею Белому:

рых современных немецких поэтов. В общем он мог бы быть полезным для „Весов“ <...>. За его глубокую искренность, убежденность и честность я ручаюсь, как за испытанные качества моего доброго друга. По направлению к рус<ской> литературе он вполне *наш...*» (Элис. Письма к В. Я. Брюсову / Публ., комм. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 318).

<sup>25</sup> Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 150—151.

<sup>26</sup> Павлович Н. А. Невод памяти // Человек. 1997. № 1. С. 154—155.

<sup>27</sup> Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 442.

<sup>28</sup> Павлович Н. А. Воспоминания об Ал. Блоке. С. 451.

<sup>29</sup> Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 439.

<sup>30</sup> Там же. С. 442, 444.

## I

Глаза архангела и детски кроткий рот  
И волосы пушистые метет  
Нежнейший ветер последних откровений.  
Я вижу лестницу: чеканные ступени  
Теряются в блистающем пути...  
Ужели мне с тобой его пройти?

\* \* \*

Далекой быть тебе, и так любить смиренно,  
Как любят лишь прозревшие из нас.  
Благословлять необоримый час,  
Когда душа увидела мгновенно  
Родную и подобную себе,  
Но дальнюю навек, но чуждую в судьбе.

\* \* \*

Текут, текут часы раздумья и печали,  
Но ветры вешние мне душу укачали.  
О тот же, тот же, ветер, что жизнь твою метет  
Забился надо мной и плещет и поет.  
И дрогнула душа, блаженно зная:  
В глазах архангела таится грусть земная

## II

Всю уцелевшую нежность нищим даю тебе даром,  
Всю уцелевшую нежность, горькую нежность мою,  
Видишь закаты пылают необозримым пожаром,  
Лишь легкопенная тучка дрогнет, висит на краю.  
Пусть легкопенною тучкой нежность моя набегая  
Руки твои обвивает, скорбные руки твои,  
Сивые волосы ветер треплет у старого гая,  
Листья сухие полощет в горячей закатной крови  
Что же отдать тебе, милый, даром любви и печали.  
Душу? — Ты держишь, как птицу в теплых ладонях своих.  
Листья, что в отблеске неба, с мертвых деревьев опали  
Ветер оправил послушно в золото песен моих.<sup>31</sup>

Когда летом 1918 года Павлович начала работать в Московском Пролеткульте, то письмо-рекомендацию, адресованную в Совет Пролеткульта, ей дал Андрей Белый. Он отозвался о ней не только как о своей хорошей знакомой и организаторе Студии стиховедения, но и как о «талантливой поэтессе», отличающейся «тонким литературным вкусом», в котором ему неоднократно приходилось убеждаться.<sup>32</sup>

Возможно, Павлович принадлежала и инициатива привлечения Белого на службу в Пролеткульт. Вспоминая события конца сентября 1918 года, Андрей Белый писал: «...значительный разговор с Есениным во время моей болезни; к началу выздоровления являются ко мне Герасимов и Павлович и уговаривают идти работать в „Пролет-Култ“».<sup>33</sup> Поэт Михаил Герасимов,<sup>34</sup> упоминаемый в пись-

<sup>31</sup> РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 723. Л. 5 об. — 6. В автографе цикл имеет название «Последняя любовь».

<sup>32</sup> Цит. по: Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904—1920) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и Дж. Мальмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 100.

<sup>33</sup> Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 445.

<sup>34</sup> Герасимов Михаил Прокофьевич (1889—1939) — поэт, впервые выступил в печати в 1913 году, автор поэтических сборников «Вешние зовы» (1917), «Завод весенний» (1919), «Же-



мах, возглавлял литературный отдел Московского Пролеткульта, а поэтесса служила в нем секретарем литературно-издательского отдела.

В конце сентября 1918 года Белый поступил на службу в Московский Пролеткульт,<sup>35</sup> где и руководил литературной студией: читал курс «Ритмика», вел семинарии. Он записывает в «Ракурсе к дневнику»: «...мой обязанности: 1) Курс лекций, 2) Семинарий, 3) Читка присылаемых в Пролет-Культ рукописей и доклад о них (разбор формы), 4) Прием поэтов и разбор приносимых ими произведений».<sup>36</sup>

Создается впечатление, что Павлович вполне искренне участвовала в построении новой культуры. Возможно, для нее, так же как и для Белого, Пролеткульт в то голодное время был не только хлебным местом (здесь в голодные годы поэты получали зарплаты и продовольственные пайки), но и местом реализации собственных утопических представлений о происходящих в России событиях. В конце октября 1918 года Павлович вместе с «первым лириком пролетариата» (это ее определение) Михаилом Герасимовым после изгнания из Самары белочехов отправляется на Волгу для организации там Пролеткульта. «Я работала в Пролеткульте, — вспоминала Павлович, — заболела туберкулезом, стремительно развивавшимся. Лекарств <...> не было, питание было скудное, у меня началось кровохарканье. Работала я вместе с пролетарским поэтом Михаилом Прокофьевичем Герасимовым, родом из Самарской области. <...> Он достал мандаты и даже билеты в мягкий вагон. Я была так слаба, что почти все время лежала. В Самаре тоже не было лекарств, но было молоко, мясо, хлеб, чистый воздух, Волга, и была моя молодость. Я стала поправляться».<sup>37</sup>

Торжественное открытие Пролеткульта в Самаре состоялось 8 декабря 1918 года. Литературная студия для рабочих разместилась в одном из лучших зданий города — особняке купца В. М. Сурошникова, построенном прямо на берегу Волги. Здесь же в этом доме, куда в письмах Павлович приглашала пожить Белого, поселились Павлович и Герасимов.

О чрезвычайной загруженности Андрея Белого в Московском Пролеткульте говорят краткие записи в «Ракурсе к дневнику».<sup>38</sup> С октября 1918 года начинаются бытовые невзгоды — холод и голод. Павлович, одна из ключевых фигур в Самарском Пролеткульте, настойчиво в письмах приглашает его приехать в Самару — вести занятия в литературной студии. Сообщает о том, что в читальне Пролеткульта повесили его портрет. Белый писал жене 25 декабря 1918 года: «На днях чуть не уехал жить в Самару; может быть еще — уеду; там сноснее жить».<sup>39</sup>

Заметим, что такие убежденные антропософы, как Андрей Белый и Маргарита Сабашникова, поначалу вошли с энтузиазмом в Пролеткульт, воплощающий антропософскую идею об открытии искусства для народа. Но утверждать, что деятельность Павлович в Пролеткульте была связана с антропософией, нет веских оснований. Тем не менее ее обращение к образу старца Серафима Саровского в поэме «Серафим», написанной в Самаре, как представляется, связано с ее увлечением идеями Рудольфа Штейнера.

лезные цветы» (1919). Из семьи рабочего-железнодорожника, прожил несколько лет политэмигрантом в Бельгии и Франции. В 1918 году руководил Самарским Пролеткультом.

<sup>35</sup> Более подробно об участии Андрея Белого в Пролеткульте см.: Глухова Е. В. Андрей Белый в проектах первых лет советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 177—198. Здесь же опубликованы фрагменты трех писем Павлович к Андрею Белому (Там же. С. 179—180).

<sup>36</sup> Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 445.

<sup>37</sup> Павлович Н. А. Невод памяти // Человек. 1997. № 2. С. 172.

<sup>38</sup> См.: Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 446—448.

<sup>39</sup> Цит. по: *Malmstad J. E. Andrej Belyj at home and abroad (1917—1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis. 1989. T. VIII. С. 444.*

Серафим Саровский (1754 или 1759—1833) был очень ценим антропософами. Во время работы над поэмой Павлович советовалась с Андреем Белым, для которого образ преподобного Серафима имел особенное значение. С того момента как Алексей Петровский<sup>40</sup> подарил Белому образок святого и книгу о нем, старец Серафим был глубоко чтим Андреем Белым.<sup>41</sup> «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря...» (Павлович просила прислать эту книгу в Самару) была для Белого настольной книгой с 1901 года.<sup>42</sup> Напомним, что в 1903 году им написано стихотворение «Св. Серафим», а в конце лета следующего года Белый совершил паломническую поездку в Саров. Одна из первых русских учениц Штейнера художница Маргарита Сабашникова в 1912 году работала над биографией Серафима Саровского для издательства «Духовное знание» с одобрения самого Штейнера.<sup>43</sup>

Поэма «Серафим» писалась для журнала Самарского Пролеткульта «Зарево заводов». Действие поэмы разворачивается в Сарове, куда пришел Ванька с разбойной гольтьбой грабить раку с мощами святого Серафима, затем переносится в абстрактный город на завод и завершается гибелью Ванюхи в море за Петроградом. В период работы над поэмой, судя по письмам, Павлович прислушивалась к советам Андрея Белого: «Я работаю упорно над „Серафимом“, написала еще 2 части, и, если от них „Серафим“ выиграл, виноваты Вы, милый Борис Николаевич» (п. 5). В журнале «Зарево заводов» удалось опубликовать только II и III части «Серафима».<sup>44</sup> В последнем письме, написанном в начале 1919 года (п. 11), она сообщила Белому о возникших сложностях с поэмой и обратилась к нему с просьбой об издании поэмы в издательстве «Алконост». В анонсе книг издательства «Алконост», помещенном на обложке сборника А. Блока «Седое утро» (1920), отмечалось, что поэма «Серафим» печатается. Вероятно, не Андрей Белый, а Блок пытался помочь напечатать поэму, однако в «Алконосте» поэма не появилась. При прекращении работы издательства в 1923 году в редакционном портфеле осталась рукопись поэмы «Серафим».<sup>45</sup>

Известен отзыв о поэме «Серафим» Сергея Спасского, участника Самарского Пролеткульта, вероятно, к этому времени уже антропософа. Во всяком случае, Павлович именно так охарактеризовала его в 1922 году: «...символист, ученик Андрея Белого, Вячеслава Иванова, все творчество его связано с антропософией, отчасти с В. Соловьевым...».<sup>46</sup> Отзыв Спасского был опубликован в том же номере журнала «Зарево заводов», где печатался «Серафим». В статье «Поэзия в современ-

<sup>40</sup> Старшая сестра А. С. Петровского, Елена Сергеевна (1878—?), после окончания с золотой медалью гимназии стала монахиней Серафимо-Дивеевского монастыря. В 1920-е годы она переехала в Оптину пустынь.

<sup>41</sup> Подробнее см.: *Malmstad J. E. Andrey Bely and Serafim of Sarov* // *Scottish Slavonic Review*. 1990. Vol. 14. P. 21—59; Vol. 15. P. 59—102.

<sup>42</sup> Имеется в виду: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардамовского уезда с жизнеописанием ее основателей: схимонахини Александры урожд. А. С. Мельгуновой и блаженного старца иеромонаха Серафима и его сотрудников... / Сост. свящ. Л. М. Чичагов. М., 1896. Запись Андрея Белого: «...с той поры (с октября 1901 года. — Е. Г.) эта книга становится моею настольною книгою; образ Серафима, весь чин молитв его, оживает в душе моей; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что он — тайно ведет меня» (*Андрей Белый*. Материал к биографии // Лит. наследство. Т. 105. С. 70).

<sup>43</sup> М. В. Сабашникова вспоминала слова Штейнера: «Святой Серафим — одна из величайших индивидуальностей. Но в этой инкарнации он действовал не через мысль. Нужно всмотреться в его деяния. Поезжайте туда, где он жил. Вы тогда сами почувствуете, как надо о нем написать» (*Волошина М. В. (Сабашникова)*. Зеленая Змея. История одной жизни / Пер. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 208). Итог поездки Сабашниковой в Саров — книга «Святой Серафим» (М., 1913), представляет собой популярное изложение биографии святого.

<sup>44</sup> *Павлович Н. А.* Из поэмы «Серафим» // *Зарево заводов*. 1919. Кн. 1. С. 13—20. В журнале были опубликованы II и III части поэмы. Полный текст см.: *Гончарова Е. И.* Надежда Павлович между Саровом и Оптиной: История создания поэмы Серафим // *Христианство и русская литература*. СПб., 2017. Сб. 8. С. 232—274.

<sup>45</sup> *Глейзер М. М.* Издательство «Алконост». 1918—1923. Л., 1990. С. 34.

<sup>46</sup> *Павлович Н. А.* Московские впечатления // *Литературные записки*. 1922. № 2. С. 8.



ности» он цитирует стихотворение Андрея Белого «Родине», появившееся на страницах сборника «Скифы»:

И ты огневая стихия  
Безумствуй, сжигая меня.  
Россия, Россия, Россия,  
Мессия грядущего дня.<sup>47</sup>

Сближая стихотворение Андрея Белого с поэмой «Серафим», Спасский писал: «Так же чувствует эти зори будущего и молодежь, воспитавшаяся на символизме. Та же вера в святость всего совершаемого, то же прозрение правды в огне и крови и в поэме о Серафиме молодой поэтессы Надежды Павлович, где старец Серафим идет с дружной ватагой в деревни и села, помогая своим присутствием строить „новый дом“ на пепле и на крови насилия».<sup>48</sup> Воскресший «Серафим» в поэме становится союзником голытьбы. С ватагой молодцов он жжет барские усадьбы, строя новый мир на крови и насилии:

Мы на пепле, мы на крови  
Лучезарный строим дом.  
Для своей, для вольной нови  
Али силу не найдем!<sup>49</sup>

Родство стихотворения Белого «Родина» и поэмы «Серафим» совершенно очевидно. Образ воскресшего Серафима Саровского, идущего рядом с «душегубцем» Ванюхой, запалившим над Россией костер, безусловно роднил поэму «Серафим» с поэмой Белого «Христос воскрес» (1917). «Скифские» идеи, значимые для Белого, отвечали и романтической настроенности творчества Надежды Павлович этого периода.<sup>50</sup>

Однако обратимся к последней, четвертой, части поэмы. Действие разворачивается во время гражданской войны. Вот как описывается гибель Ваньки, который кается в содеянном и обращается к старцу Серафиму перед смертью:

— Душегубец я, разбойник, черный вор,  
Я над матушкой Россией запалил костер,  
Только вижу, занимается заря,  
Полыхают алым пламенем моря,  
Только роза златотканая,  
На багряных, на волнах,  
Только радость несказанная  
Зажигается в глазах,  
Только птицей красноперою  
Смерть навстречу мне летит,  
Только сердце перед гибелью  
Не тоскует, не дрожит...<sup>51</sup>

«Златотканная роза», неожиданно возникшая в конце поэмы, вероятно, имеет антропософскую символику. В контексте антропософии символ розы имеет особое значение. Согласно идеям Штейнера, роза символизирует кровь, являющуюся выражением просветленных страстей.<sup>52</sup> Заметим, что Серафим Саровский в поэме — призрак, видение в «блеске крыл». Стоящий на волнах Серафим в заключении поэ-

<sup>47</sup> Скифы. (СПб.), 1918. Сб. 2. С. 36.

<sup>48</sup> Спасский С. Поэзия в современности // Зарево заводов. 1919. Кн. 1. С. 66.

<sup>49</sup> Цит. по: Павлович Н. А. Серафим / Публ. Е. И. Гончаровой // Христианство и русская литература. СПб., 2017. Сб. 8. С. 264.

<sup>50</sup> Идеи «скифства» нашли отражение у Павлович в стихотворении «В степях» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 723) и цикле из четырех стихотворений «Будто ордою Батыевой...» (Записки мечтателей. 1921. № 2—3. С. 133—134).

<sup>51</sup> Цит. по: Павлович Н. А. Серафим. С. 273.

<sup>52</sup> См.: Штайнер Р. Очерк тайноведения. Ереван, 1992. С. 200.

мы как бы наделен эфирным телом. Вполне вероятно, что этот образ оформлялся с оглядкой на учение Штейнера. Такое предположение имеет основание, если учесть, что, работая над поэмой, Павлович советовалась с Андреем Белым.

Период наиболее частого общения Андрея Белого с Надеждой Павлович пришелся, вероятно, на первые послереволюционные годы, хотя общение продолжалось и в дальнейшем, но не было столь интенсивным.

В 1938 году Павлович начала писать поэму «Воспоминания об Александре Блоке». Показывая Блока на фоне эпохи, поэтесса собиралась ввести в поэму портреты его друзей и современников. Она написала несколько таких стихотворных портретов, но оставила в поэме только одного Андрея Белого. Автограф стихотворения датирован 1939 годом.<sup>53</sup> Вторая глава поэмы так и названа — «Андрей Белый».

Поэтесса снабдила Белого тирсом — атрибутом древнегреческого бога Диониса. Деревянный тирс, увитый плющом и виноградом, символизировал дионисийские мистерии, состояние экстаза и исступления:

Он туфли проплясал насквозь,  
Вприпляску он писал,  
Как бы вакхическую гроздь  
И тирс он подымал.

Змеились молнии на лбу,  
Был вихрь взметен кругом,  
Волос дымился легкий пух  
Вкруг лысины — венцом.

В его фарфоровых глазах  
Буравились зрачки,  
И был похож на орлий взмах  
Полет его руки.<sup>54</sup>

Легкие светлые волосы, светящиеся голубые глаза в сочетании с необычайной подвижностью и аффектированной жестикуляцией — эти черты внешнего облика Андрея Белого, отмеченные многими современниками, запомнились и Павлович. Она уловила и выразила не только характерные черты его внешности, но и постоянное внутреннее беспокойное состояние. Таким виделся ей Андрей Белый сквозь призму лет.

Письма Надежды Павлович печатаются по автографам, хранящимся в РГБ (Ф. 25. Карт. 21. № 10; п. № 1—4) и РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. № 236; п. № 5—11); датируются по содержанию. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

<sup>53</sup> ИРЛИ. Ф. 578.

<sup>54</sup> Павлович Н. А. Думы и воспоминания. М., 1966. С. 9—10.

## 1

⟨1917 — начало 1918 года. Москва⟩

Борис Николаевич,

Простите, что пишу Вам. Долго, очень долго я не решалась этого сделать, и сейчас желание написать борется со стыдом, что я отнимаю у Вас несколько минут внимания.

Все, о чем Вы публично говорите,<sup>1</sup> очень близко мне. Вы либо формулируете полубессознательные мои переживания, либо точно подтверждаете то, что я продумала.

Но чувствую, что Вы можете сказать бесконечно больше того, что говорите с эстрады, а за тем, что Вы смогли бы сказать, стоит не выговариваемое. Может быть мое письмо невероятно дико и наивно, и нелепо, но я хочу говорить с Вами совсем откровенно. Я могла бы сравнительно легко познакомиться с Вами, п(отому) ч(то) у нас есть общие знакомые,<sup>2</sup> но заговорить с Вами так, как надо, я не сумела б, мне и писать трудно.

Самый большой вопрос, который бы я хотела задать Вам, это: знаете ли Вы конкретные пути ко П рождению, и, если да, можно ли Вас о них спрашивать. Я читала довольно много и Зап(адных) и вост(очных) мистиков. Вы говорили о Штейнере.<sup>3</sup> Его ли практ(ический) путь принимаете Вы?

Борис Николаевич, я м(ожет) б(ыть) ставлю нехорошо вопрос и нельзя так спрашивать, но Вы поймите, почувствуйте, как я задаю его.

Учитель ли Вы или нет — я не знаю, но верю, что подлинно живой Вы, и что недаром вернулись сюда и говорите.

Теперь позвольте сказать неск(олько) слов о себе, чтобы Вы знали, кто Вам пишет.

Я кончаю В(ысшие) Ж(енские) К(урсы) Полторацкой,<sup>4</sup> журналистка.

С детства я точно слышала голоса.

Год я работаю над собой упорно.

Если Вы захотите написать мне или поговорить со мной, ад(рес) мой: Москва. Новинский бульв. Дурновский пер. 15, кв. 2. Тел(ефон) в кв. 4-05-95.

Вызвать Надежду Александровну.

Звонить лучше всего до 2-х часов.

Простите же меня и ради Бога не сочтите мое письмо навязчивостью.

<sup>1</sup> См. вступ. статью, с. 132—133.

<sup>2</sup> Возможно, речь идет о С. Я. Рубановиче. См. о нем прим. 24 к вступ. статье.

<sup>3</sup> Штейнер Рудольф (R. Steiner; 1861—1925) — немецкий философ-мистик, основатель антропософии. См.: *Мальмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // *Минувшее: Исторический альманах.* М., 1992. [Вып.] 6. С. 337—448; 1992. [Вып.] 8. С. 409—471; 1990. [Вып.] 9. С. 409—488.

<sup>4</sup> См. прим. 13 к вступ. статье.

## 2

(Апрель 1918 года. Москва)

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

На Пасхальной неделе<sup>1</sup> открывается товарищеское предприятие поэтов, музыкантов и артистов под именем «Венка Искусств» (Софийка, кафе «Савой».)<sup>2</sup> Предполагается созыв (на Фоминой)<sup>3</sup> общего собрания выступающих в «Венке», которое должно выработать (по соглашению с предпринимателем) условия перехода дела в руки поэтов и нормы паев. В состав участников приглашены В. Я. Брюсов, артист Свобода, Рюрик Ивнев, Хлебников и др. и будут приглашены В. И. Иванов, К. Д. Бальмонт, Балтрушайтис, М. Цветаева, Эренбург, Ходасевич, Ауслендер и др. Ваше участие особенно дорого нам, почему решаемся убедительно просить не отклонить нашего приглашения в состав товарищества. Расходная смета определяет Ваш гонорар за каждое выступление в 150 рублей и предусматривает устройство вечера, посвященного Вашему творчеству. Литературной частью заведуют: С. Я. Рубанович,<sup>4</sup> Н. А. Павлович и Д. Соболев.<sup>5</sup>

На бланке издательства «Духовное знание».

<sup>1</sup> В 1918 году Пасха отмечалась 5 мая.

<sup>2</sup> Открытие кафе «Венок искусств» (бывшее кафе «Савой») состоялось 7 мая 1918 года на улице Софийка. Выступали С. Рубанович, Павлович, Р. Ивнев, Л. Столица. Объявлялось так-

же участие Андрея Белого и О. Мандельштама (Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 181).

<sup>3</sup> Следующая за Пасхой неделя называется Фомина.

<sup>4</sup> См. прим. 24 к вступ. статье.

<sup>5</sup> Д. [Н]. Соболев вместе с Павлович присутствовал на скандальном вечере в кафе-кабаре «Музыкальная табакерка» 14 апреля 1918 года, когда В. Маяковский пытался сорвать выступление В. Шершеневича (Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 163).

### 3

〈Весна—лето 1918 года. Москва〉

Дорогой Борис Николаевич,

одна моя приятельница едет на днях в Австрию с миссией для осмотра лагерей военнопленных. Если Вам нужно послать за границу письма или выписать оттуда книг, передайте все это мне. Я завтра в 9 час〈ов〉 зайду к Вам.<sup>1</sup> У меня 22 несчастья: I — Вячеслав Иванов отказался читать в Пролеткульте...<sup>2</sup>

Оставляю Борису Николаевичу и Алексею<sup>3</sup> цветочки и галеты.

Ваша Над. Павлович.

Приходите, господа, ко мне на новоселье. У меня кв〈артира〉 с садом.

Зубовский, 12.

Украла 5 папирос.

На обороте бланка Русского антропософского общества.

<sup>1</sup> Андрей Белый жил на Садовой-Кудринской ул., д. 6, кв. 2. Здесь же помещалось и Московское антропософское общество.

<sup>2</sup> Павлович была хорошо знакома с В. И. Ивановым, который дал ей письмо-рекомендацию в Московский Пролеткульт: «В Совет Пролеткульта. Удостоверяю, что Надежда Александровна Павлович-Ряжская, принадлежа к группе лиц, по почину и усилиями которых была создана и образцово организована в весенние месяцы текущего года в Москве Студия Стихovedения, проявила в этой деятельности большую и плодотворную энергию и выдающееся умение. Кроме того, Н. А. Павлович-Ряжская известна мне как поэтесса замечательного дарования и солидной технической подготовки, а также и общего высокого культурного и художественного развития» (*Обатнин Г. В.* Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // *Русская литература*. 2014. № 2. С. 274). Павлович познакомилась с Вяч. Ивановым в 1918 году. «В том же году, — вспоминала она, — я часто бывала у Вячеслава Иванова, который отличал меня среди молодежи. Он был настолько внимателен ко мне, что предложил мне показывать ему каждое написанное мной стихотворение и очень строго разбирал мои стихи, останавливаясь буквально на каждой строчке. При этом он всегда исходил из моих авторских намерений, учитывая своеобразие моего поэтического лица, а не навязывая мне свою манеру» (*Павлович Н. А.* Воспоминания об Ал. Блоке. С. 451).

<sup>3</sup> Имеется в виду А. С. Петровский. См. о нем прим. 7 к вступ. статье.

### 4

〈Конец сентября 1918 года. Сергиев Посад〉

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Мне очень жаль, что я побеспокоила Вас, но ведь письма-то я не успела получить тогда. Забежала я к Вам позвать Вас чай пить перед отъездом Вашим в Москву.<sup>1</sup>

Вас я вполне понимаю.

Сама я здесь в командировке от Пролеткульта<sup>2</sup> для печатанья сборника пролетарских поэтов в Лаврской типографии.

Мой привет Клавдии Николаевне.<sup>3</sup>

Если Вы будете в Москве и захотите получить рукописи, то стихи Спасского,<sup>4</sup> Оленина<sup>5</sup> и Герасимова в доме в кожаном свертке с книгами.<sup>6</sup> Там и мои есть, но их не надо трогать до моего приезда.

Простите, что пишу на лоскутке и без конверта.

Жму руку.

Над. Павлович

<sup>1</sup> В сентябре 1918 года Андрей Белый совершил паломническую поездку в Сергиев Посад. Он посетил Черниговский Скит с Чудотворной Черниговской иконой Божьей матери. В автобиографических записях он писал: «Мы с К. Н. едем задуматься к „Черниговской Божией Матери“ (близ Посада). <...> Живем в гостинице, где задумываемся над „путем жизни“; встречи с Павлович» (Андрей Белый. Ракурс к дневнику. С. 445).

<sup>2</sup> При московском Пролеткульте было организовано издательство. Как сотрудник литературно-издательского отдела Павлович была командирована в Сергиев Посад в типографию при Троице-Сергиевой лавре.

<sup>3</sup> Васильева Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева, во 2-м браке — Бугаева; 1886—1970) — антропософка, дежурная в библиотеке Антропософского общества. В это время жена антропософа П. Н. Васильева. Сопровождала Андрея Белого во время его паломнической поездки в Черниговский Скит. Официально жена Андрея Белого с 1931 года.

<sup>4</sup> См. прим. 24 к вступ. статье.

<sup>5</sup> Вероятно, имеется в виду поэт А. Б. Оленин (псевд. Олень).

<sup>6</sup> Речь идет о просмотре Андреем Белым рукописей поэтов, поступающих в Пролеткульт.

## 5

⟨Ноябрь—декабрь 1918 года. Самара⟩

Дорогой Борис Николаевич,

захотелось послать Вам весточку из Самары.

Миша Герасимов<sup>1</sup> и я основали здесь Пролеткульт. Здесь раньше была культурная пустыня, и работы очень, очень много, а сил нет. Хочется перетащить сюда как можно больше московских друзей. Вас я не решаюсь звать сюда, знаю, как Вы нужны в Москве, но весной, милый Борис Николаевич, мы приедем за Вами и попытаемся Вас увезти. У нас будет чудная дача за Волгой и мы постараемся все сделать для того, чтоб Вы могли спокойно отдохнуть.

Как Вам живется в Пролеткульте? Не стараются Вас клюнуть наши марксисты? Как идут дела Лит⟨ературно⟩-изд⟨ательского⟩ отдела? <sup>2</sup> Здесь мы основали журнал «Зарево заводов». <sup>3</sup> Он будет по образцу «Горна». <sup>4</sup> Если бы Вы дали нам хотя бы небольшую заметку или по вопросам техники, или же о каком-нибудь пролетарском поэте, и я, и Герасимов были бы Вам глубоко благодарны. На Рождество мы приедем в Москву проводить сметы<sup>5</sup> и, конечно, найдем к Вам. Покажем новые стихи. Я работаю упорно над «Серафимом», <sup>6</sup> написала еще 2 части и, если от них «Серафим» выиграл, виноваты Вы, милый Борис Николаевич.

Поэтому я безжалостно заставляю Вас их прослушать. Хорошо?

Ах, если бы Вы не были так заняты в Москве! С какой бы радостью я предложила бы Вам пока переехать в Самару — здесь Вы могли бы свободно писать, не голодать<sup>7</sup> и лишь раз в неделю вести занятия у нас в студии, да раз в неделю читать рукописи. С тайной надеждой я задаю вопрос: «А может быть Вы очень устали, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ Вы позволите себе отдохнуть, позволите Борису Бугаеву пока уйти от работы в Московском Антропософ⟨ском⟩ общ⟨естве⟩», <sup>8</sup> а дадите спокойно писать Андрею Белому, ведь в Самаре широкое и дикое поле рабочих масс, совсем не тронутых. Здесь может с особой силой звучать слово и Белого, и Бугаева.

Милый, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, это возможно?»

Надо кончать, еще много работы — я вырвала минуту, чтобы написать Вам.

Сердечный привет мой Алексею Сергеевичу<sup>9</sup> и Вячеславу Иванову,<sup>10</sup> если Вы с ними теперь видите.

Ад⟨рес⟩ мой и Миши Герасимова.<sup>11</sup>

Самара. Уг⟨ол⟩ Казанской и Воскресенской. Пролеткульт.



Миша кланяется Вам.

Если Вам захочется нам написать, пишите заказным, иначе не дойдет.

Ваша Надя Павлович

<sup>1</sup> См. в прим. 34 к вступ. статье.

<sup>2</sup> Осенью 1918 года у Андрея Белого назрел конфликт с руководством Московского Пролеткульта. Крестьянские поэты и писатели во главе с Сергеем Есениным (Белый был знаком с ним с 1916 года) подали заявление об образовании крестьянской секции при Пролеткульте. Им было отказано. В письме к одному из руководителей Литературной секции Белый поддержал Есенина: «В момент приглашения меня в Пролеткульт я не знал административной структуры сего учреждения и полагал, что буду иметь дело с Герасимовым, Павлович, Вами и Клычковым. Теперь, когда Герасимова и Павлович нет, Клычков — изгнан, а на сцене появились люди, именующие художников, призванных в Пролеткульт „мертвецами“ (...), мое положение для меня резко изменилось» (*Глухова Е. В.* Андрей Белый в проектах первых лет советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос. С. 183; письмо Андрея Белого от 20 ноября 1918 года). В ноябре 1918 года Белый писал: «...особенно переутомлял ряд скандалов, разразившихся в „Студии“ Пролет-Культа» (*Андрей Белый*. Ракурс к дневнику. С. 447).

<sup>3</sup> «Зарево заводов» — журнал Самарского Пролеткульта (Самара, 1919). В свет вышло только два номера журнала (1919. № 1, № 2). Редакцию журнала возглавляли Герасимов и Павлович. Контора журнала размещалась в здании Самарского Пролеткульта. На обложке журнала были изображены дымящиеся трубы фабрик и заводов. Обращение к читателям заканчивалось призывом: «Присылайте же нам, товарищи, свои статьи, рассказы и стихотворения. Вздуйте горны пролетарской мысли и пусть новое пролетарское искусство отразится грандиозным красным заревом: „Заревом Заводов!“» (Зарево заводов. 1919. № 1. С. 7).

<sup>4</sup> «Горн» — журнал Московского Пролеткульта (М., 1918—1923). Андрей Белый опубликовал в нем рецензию на книгу А. Поморского «Цветы восстания» (Пг., 1919): Горн. 1919. № 1. С. 85, и статью «О художественной прозе»: Там же. № 2—3. С. 49—55.

<sup>5</sup> Имеются в виду сметы для Самарского Пролеткульта.

<sup>6</sup> Речь идет о поэме Павлович «Серафим» (1918). II и III части поэмы под заголовком «Из поэмы „Серафим“» были напечатаны в журнале «Зарево заводов» (1919. № 1. С. 13—20). Подробнее см. вступ. статью, с. 139.

<sup>7</sup> Осенью 1918 года Андрей Белый начинает испытывать сложности послереволюционной жизни: «С октября начинаются всяческие невзгоды жизни (холод, голод (...), беспокойство за маму, неудобства с едой, чаем и т. д.); с октября же — служба в Пролеткульте, отнимающая все время...» (*Андрей Белый*. Ракурс к дневнику. С. 445).

<sup>8</sup> Андрей Белый принимал самое деятельное участие в жизни Антропософского общества в 1918 году: «С января особенно расцветает во всех смыслах наша антропософская жизнь; кружки, интимные собрания, собрания для гостей (открытые), беседы; (...) частые собрания в помещении „А. О.“ (бывшей квартире Общества) (...); лекции на Остоженке...» (*Андрей Белый*. Ракурс к дневнику. С. 439).

<sup>9</sup> Имеется в виду А. С. Петровский. См. прим. 7 к вступ. статье.

<sup>10</sup> В конце августа 1918 года Андрей Белый пригласил В. И. Иванова принять участие в альманахе, посвященном теме революции. Книгоиздательство «Змий» решило объединить в альманахе стихи самых разных поэтов. Андрей Белый писал Вяч. Иванову: «Надеюсь, что Ты пришлешь мне стихи или передашь их хотя бы Павлович» (Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904—1920). С. 99).

<sup>11</sup> Сохранились автографы двух стихотворений Павлович, посвященных Герасимову, свидетельствующие о романтических отношениях между ними: «При встречах мы враги» (ИРЛИ. Ф. 578) и пролеткультовское «Завет» (РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. Л. 8). Герасимову была посвящена и поэма «Серафим». В свою очередь Герасимов посвятил Павлович лирическое стихотворение «Н. П.» (Зарево заводов. 1919. № 1. С. 11) и поэму «Монна Лиза» (Горн. 1918. № 1. С. 11—16; отд. изд.: М., 1919).

## 6

〈Начало 1919 года. Самара〉

Дорогой Борис Николаевич,

это письмо передаст Вам наш делегат. Приезжайте с ним, ждем Вас с любовью и нетерпением. Не знаю только, как Вы доедете. Постарайтесь обязательно попасть в делегатский вагон. Вам это устроит, конечно, Каменева.<sup>1</sup> Нужно получить самые веские подписи. Свердлова,<sup>2</sup> например. Дорога будет нелегкая, запасайтесь провизией.

Переезд через Волгу не так страшен. Теперь даже пытаются перекачивать вагоны по льду, но 15 в⟨ерст⟩ на лошадях тоже не так трудны.

Здесь же, родной, Вам будет хорошо. Мы с Мишей сделаем все от нас зависящее, чтобы Вы были сыты, окружены уютом и заботой и могли спокойно писать. Как-то чувствую, что не нужно, просто ни к чему Вам быть в Москве. Вы нужны России, Вы больше всех этих комиссий вместе взятых, а комиссии съедают Ваше здоровье и мешают писать. Это относится к Андрею Белому, а милому-милому Борису Николаевичу я скажу, что не могу видеть, как он изменился и замучился, и мне страшно хочется взять его под свою опеку, чтобы он был здоровым и сильным, а не сидел в своей холодной и темноватой комнате без хлеба и даже без цветочков.

Пересылку рукописей устроим.

Ах, да, еще деловая часть.

Очень просим Вас дать нам статью — о чем? — О чем хотите, учитывая только, что это журнал «Пролеткульта».<sup>3</sup> Если Вы не приедете, гонорар переведем по телеграфу авансом. Размер до печат⟨ного⟩ листа включительно. Если она будет касаться теоретических вопросов и будет вполне закончена, ее можно будет даже издать отдельной брошюрой. У нас книжный голод, у наших студийцев почти нет пособий, и я прямо в отчаянье прихожу, что делать. Если же у Вас нет на это ни времени, ни готовых матерьялов, то пришлите хоть маленькую заметку. Вы нам очень нужны и нам очень дорого будет иметь Ваши строки на страницах нашего журнала.

Приезжайте же, дорогой Борис Николаевич, или хоть пришлите о себе весточку.

Я чувствую себя плохо, ослабела очень в дороге, хотя ехала с удобствами. Видно, Москва мне дорого обошлась. Сейчас пишу, а в глазах темные круги. Спокойной ночи.

Привет Алексею Сергеевичу и Мелитте.<sup>4</sup>

Ваша Надя Павлович.

Самара.

Уг⟨ол⟩ Казанской и Воскресенской.

Пролеткульт.

<sup>1</sup> Каменева Ольга Давидовна (наст. фам. Розенфельд, урожд. Бронштейн; 1883—1941), сестра Л. Д. Троцкого. Осенью 1918 года Андрей Белый поступил служить в Театральный отдел Наркомпроса: «Поступаю на службу в Тео-Наркомпроса к О. Д. Каменевой: а) член коллегии Отдела; б) заведующий Научно-теоретической секцией (сверхсрочная служба): организация плана работ, заседаний, созыв сотрудников, распредел⟨ение⟩ занятий; и — прочее» (*Андрей Белый*. Материалы к биографии. 1918—1927) // Лит. наследство. Т. 105. С. 684).

<sup>2</sup> Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) — с ноября 1918 года председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

<sup>3</sup> Речь идет о журнале «Зарево заводов». Ни одной статьи Андрея Белого в журнале не было напечатано.

<sup>4</sup> Мелитта — вероятно, прозвище К. Н. Васильевой. См. о ней прим. 3 к п. 4.

⟨Январь 1919 года. Москва⟩

Дорогой Борис Николаевич,

неожиданно выяснилось, что мы уезжаем на I день Рождества в час дня. Поэтому не могу зайти к Вам проститься. Ждем Вас в Самаре. Наш делегат на съезд зайдет к Вам, привезет письма и мандат. Надеемся, что Вы можете получить место в делегатском вагоне. Приезжайте, Вас будет ждать уют, тепло и покой.

Хороших праздников!

Привет от Герасимова.

Ваша Надя Павлович

Не дадите ли Вы для журнала какую-нибудь статью (о стихах или прозе). Было бы очень хорошо, если бы Вы передали ее нашему делегату или послали заказным. Самара. Уг⟨ол⟩ Казанской и Воскресенской. Д⟨ом⟩ Сурошникова. Мне.

М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ у Вас будет настроение написать о Блоке?<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Возможно, Павлович хотела получить от Андрея Белого отклик на поэму Блока «Двенадцать» (1918), которая неоднократно перепечатывалась (впервые: Знамя труда. 1918. № 147). Павлович признавалась, она «...всецело находилась под влиянием Блока, его поэзии, его статей об интеллигенции и революции. Я страстно принимала его поэму „Двенадцать“, сыгравшую большую роль в признании ей революции и сближении с пролетарскими поэтами (Павлович Н. А. Невод памяти // Человек. 1997. № 1. С. 166). Знакомство Павлович с Блоком состоялось позже, в 1920 году. Павлович читала поэту поэму «Серафим», написанную под влиянием «Двенадцати», и писала ему о его роли в творческой истории поэмы: «Вы были — я не умею сказать словами, — чем-то близким к творческому началу, что ли... Отсюда и „Серафим“, и многое из лирики...» (письмо Павлович к А. А. Блоку. Б/д: РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 356. Л. 18 об.). Павлович, вспоминая отношения с Андреем Белым, подчеркивала важность того факта, что Белый был для нее важен в первую очередь как друг Блока. «...Сам Белый, — писала она, — видимо, чувствовал, что для меня он является в каком-то смысле связью с Блоком, и при первом же моем посещении подарил мне не свою книгу, а „Стихи о Прекрасной Даме“» (Павлович Н. А. Воспоминания об Ал. Блоке. С. 451).

## 8

⟨25 января 1919 года. Самара⟩

Повремените приездом подробности письмом<sup>1</sup> просим статью, Н. Павлович.

Телеграмма.

<sup>1</sup> См. п. 7.

## 9

⟨После 25 января 1919 года. Самара⟩

Дорогой Борис Николаевич,

Вероятно, Вы уже получили мою телеграмму.

Очень больно мне, что Вас здесь не будет, но обстоятельства так складываются. За наше отсутствие Пролеткульт надтреснул, и удастся ли опять наладить дело — Бог весть, т. к. скоро конференция, а после нее здесь будет исполн⟨ительное⟩ бюро, перед которым Московское будет идеалом кротости и культурности. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ случится чудо, и нам удастся отстоять наше дело, но больше шансов за то, что здесь будут новые порядки. Если Вы, милый Борис Николаевич, рискнете просто приехать отдохнуть, то это было бы хорошо. Вас, конечно, пригласит всякое правление Пролеткульта, но я не могу Вам гарантировать того покоя, о котором мы говорили Вам в Москве.

Если Вы приедете, я и Миша все сделаем, чтобы доставить Вам всяческие удобства, но в Пролеткульт я сейчас Вас не зову — атмосфера слишком напряженная.

Но, если бы Вы вошли сейчас сюда, Вы были б поражены. В читальне висит Ваш портрет, в кампании ⟨так!⟩ очень почтенной (Лев Толстой, Серов и Троцкий). Только сегодня его принесли к нам, и я ужасно обрадовалась. Теперь, когда будет очень грустно, буду приходить и разговаривать с Вашим портретом за отсутствием

оригинала. Так и знайте! А ученики мои (студия пока помещается в читальне) возымеют к Вам совершенно невероятное уважение.

Вы только представьте эффект Вашей лекции в этой комнате. Я шучу, мой родной, но мне страшно больно, что милого живого Бориса Николаевича не будет. А мне, друг мой далекий (можно так называть Вас?), очень плохо. За все время с моего приезда у меня только  $\frac{1}{2}$  суток не было жару, и я ослабела, как никогда. Боюсь, что процесс резко пошел вперед. Не скоротечная ли начинается? Я как-то очень легко и просто отношусь к этому, но меня раздражает слабость. Порою даже падает нервная энергия. И обидно... знаю, много во мне душевной силы, много сейчас могло бы найтись применения для нее, и писать хочется, и живое дело создавать, и все это струится почти физически ощутимо из мозга, из кончиков пальцев, когда лежишь изнеможенная, или бродишь какой-то тенью. Не боюсь ни болезни, ни конца, но стыдно, что сделала мало, ничего не успела.

...А воля к жизни, воля к творчеству есть.

А теперь спокойной ночи, дорогой, светлый друг мой!

Очень поздно уже! Не сердитесь на меня за то, что в Москве соблазняла я Вас Самарой. Ведь не подозревала, что так сложится.

Если как-нибудь вспомните обо мне, напишите.

И пришлите какую-нибудь статью нам в журнал.<sup>1</sup>

Хорошо?

Ваша Надя Павлович

Привет Алексею Сергеевичу и Мелитте.

Привет от Миши и Сергея Спасского.

У⟨гол⟩ Казанской и Воскресенской. Д⟨ом⟩ Сурошников. Пролеткульт.

<sup>1</sup> См. прим. 3 к п. 6.

## 10

⟨Февраль 1919 года. Самара⟩

Дорогой Борис Николаевич,

пишу Вам в постели. Я лежу 8-ой день и, когда встану, неизвестно. Теперь Вы можете быть мной довольны, больше я не бегаю, не хлопочу — сломалась. У меня активный процесс обоих легких — д⟨окто⟩ра посылают в феврале же в Ташкент, но средств у меня почти нет. Возможно, что все-таки удастся выбраться. Хорошо, что Вы не поехали сразу с нами. Правда, Пролеткульт как будто опять стал налаживаться, но мы с Мишей (у него то же, что и у меня, но в более легкой форме) должны оставить его, во всяком случае, на время.

В лежаньи моем много хорошего. Как-то думается больше и яснее, чем в той сутолоке работы, в которой жила я все эти месяцы, и понемногу возвращается та ясность, та тишина, которая была в душе летом. Я пишу Вам об этом потому, что знаю — поймете. Помните, Вы были больны, мы с Сережей Есениным заходили к Вам,<sup>1</sup> Сережа такие полевые сказочные стихи читал... Я сейчас не думаю ни об антропософии, ни о теософии, вообще ни об одной софии, просто в минуты покоя и какого-то, сказала бы я, очищения внутреннего, возвращаюсь к невыразимой и простой вере, похожей на детскую, вернее, связанную с детской как цветок с корнем. Я не знаю, есть ли в ней мудрость, но в ней есть смиренная любовь, а т. к. я думаю, что в конечном счете это одно и то же, то частица мудрости тоже есть.

Если Вы и Алексей Сергеевич захотели бы меня очень порадовать, то м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ Вы смогли бы достать для меня книгу: «Из летописи Сарово-Дивеевского монастыря».<sup>2</sup> В моей жизни огромную роль играл Св. Серафим, и мне очень нужна эта книга.

Я сейчас начинаю подводить какие-то итоги. Хочется утончить веревочки и ниточки, не пускающие отсюда. Осталась одна гордость — хочу уйти ясно и спокойно, не цепляясь. Жадной воли к жизни у меня нет, но есть тысячи ниток, и самая толстая из них — творчество. И вот к Вам просьба. Мой «Серафим» не сможет выйти в полном виде в Пролеткульте.<sup>3</sup> Когда меня не будет, вспомните о нем, Борис Николаевич, я сюда много вложила заветного.

И еще скажу Вам то, что раньше не сказала бы. В той книге «Вешние ветры», которая должна выйти в издательстве «Трудовой артели» (у Есенина),<sup>4</sup> есть цикл «Горькая нежность», посвящ(ение) Б. Б.<sup>5</sup> Это посвящено Вам. Все эти стихи написаны в мае—июне прошлого года и ни одного Вам я не показала все из той же застенчивости, которая когда-то помешала мне подойти к Вам. А теперь все так просто и светло, что захотелось Вам об этом сказать. И еще одно: спасибо Вам за все, милый Борис Николаевич, милый далекий друг мой Борис, потому что Вы много мне помогали, и зная это и не зная — в минуты невыразимой тоски и усталости я или шла к Вам, или звонила, и одного звука Вашего голоса было довольно, чтоб я успокаивалась, крепла и делалась хорошей.

Вас я понимала и как Белого и как Бориса и Вам верила.

Если Вы когда-нибудь будете говорить обо мне Вашей жене,<sup>6</sup> скажите ей, что я ее полюбила заочно по карточке и Вашим рассказам.

Странное письмо это, Борис Николаевич, правда? Но у меня какое-то чувство начала конца и захотелось все это сказать Вам, потому что устно я почти никогда не говорила. Сейчас весь дом засыпает. Устала, а хотелось бы еще много сказать.

Привет моему милому доброму Алексею Сергеевичу и Мелитте. Как Вы живете? Что у Вас нового? Удастся ли писать? Что Литер(атурная) коллегия при Луначарском?<sup>7</sup>

Не переутомляйтесь, берегите себя, Борис Николаевич!

Если напишете, буду очень, очень рада. Напоминаю адр(ес). Уг(ол) Казанской и Воскресенской. Миша кланяется.

Над. Павлович

<sup>1</sup> Речь идет о визите к Андрею Белому после его возвращения из Сергиева Посада в конце сентября 1918 года. Эту встречу Белый отметил: «...значительный разговор с Есениным во время моей болезни» (*Андрей Белый*. Ракурс к дневнику. С. 445). Павлович познакомилась с Есениным в 1918 году в литературном отделе Пролеткульта. Совместно — Павлович, Герасимов, Есенин и С. Клычков — написали киносценарий «Зовущие зори», вложив в героев собственные биографические черты. Андрей Белый познакомился с Есениным раньше Павлович — в январе 1917 года. Подробнее см.: *Швецова Л.* Андрей Белый и Сергей Есенин. К творческим взаимоотношениям в первые послеоктябрьские годы // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 405—425.

<sup>2</sup> См. прим. 42 к вступ. статье.

<sup>3</sup> Попытка издать поэму «Серафим» в «Московской трудовой артели художников» не увенчалась успехом.

<sup>4</sup> Речь идет об издательстве «Московской трудовой артели художников слова» (размещалась с осени 1918 года в здании Московского Пролеткульта: Воздвиженка, д. 16, комната 13). Издание сборника «Вешние ветры» не состоялось. Есенин, который в апреле—мае 1918 года переехал в Москву из Петрограда, был заведующим нового издательства и жил в здании Пролеткульта. На первом организационном собрании присутствовало пять человек — среди них Андрей Белый. Л. О. Повицкий, бывший на собрании, вспоминал: «...Андрей Белый восторженно заявил: — А я буду переносить бумагу из склада в типографию! Есенин тихонько мне шепнул: — Вот комедиант, <...> и глазами и словом играет, как на сцене» (РГБ. Ф. 393. Карт. 2. Ед. хр. 2. Л. 5). На обложке книги Есенина «Преображение» (М., 1918) среди книг, которые готовились издательством «Московской трудовой артели художников слова», названа поэма Павлович «Серафим».

<sup>5</sup> Стихотворный цикл «Горькая нежность» сохранился, вероятно, под другим названием — «Последняя любовь». См. вступ. статью, с. 136—137.

<sup>6</sup> См. прим. 10 к вступ. статье.

<sup>7</sup> В октябре—декабре 1918 года Андрей Белый работал над организацией Литературного отдела Наркомпроса.

(1919 год. Самара)

Дорогой Борис Николаевич, страшно жаль, что Георгий<sup>1</sup> не зашел к Вам за письмом, да и то письмо, которое, говорит он, Вы мне послали, не дошло до меня. Я была бы так рада получить от Вас весточку. Все так тяжело здесь.

Пролеткульт наш фактически погиб — существует только на бумаге. Исп(олнительное) бюро попросту прикончило его. Мы с Герасимовым уходим, не хотим своими руками заколотить гроб. Миша вероятно в конце апреля будет в Москве и расскажет Вам подробно. Обидно за учеников (а сколько было даровитых!), обидно за потраченную энергию, за тех людей, которые с нами создавали дело, а теперь их или вышвыривают, как ветошь, или в глаза говорят крылатое словцо о купле-продаже и недоверии. А какой грязью пытаются забросать нас с Михаилом! Словом, тошно!

Я опять больна, сегодня попробовала встать. У меня плеврит (в легкой степени). Но везти меня некуда и не на что.

Только пишу много. С «Серафимом» моим беда — новое Исп(олнительное) бюро печатать его не хочет и наивно требует возвращения аванса. Есть ли в Москве Лит(ературная) коллегия? Не возьмется ли она или «Алконост»<sup>2</sup> его издать? Если Вам не трудно, как-нибудь между словом спросить об этом. Хорошо? *Мне все равно — на каких условиях.* Если да, то телеграфируйте мне Казанская 51, кв. 4 или на Пролеткульт — и я пришлю рукопись. Где Вы думаете быть летом? Если здесь все будет спокойно, и мы найдем дачу, приезжайте сюда просто отдохнуть. Мы постараемся, чтобы Вам было хорошо и спокойно. Когда дача найдется, я Вам протелеграфирую. Думается мне, дорогой Борис Николаевич, что и Вам сейчас скверно, что сами Вы должны заботиться о всяких практич(еских) вопросах (что уже слух дошел), а Вас в такой роли что-то трудно представить. Посылаю Вам на днях посылку. На Пролеткульт. Михаил и Георгий шлют привет.

Ваша Над. Павлович

Если все будет хорошо, м(ожет) б(ыть) Вы с Мишей в мае и приедете.  
Привет Алекс(ею) Серг(еевичу) и Мелитте.

<sup>1</sup> Ряжский Георгий Георгиевич (1895—1952) — художник, ученик К. Малевича, муж Павлович в 1917—1920 годы. Познакомились незадолго до Февральской революции в 1917 году. Знакомство Андрея Белого с художником состоялось в этом же году. «В молодости в облике Ряжского было что-то от нестеровских отроков. Таким воспринимал его и Андрей Белый, с которым я его познакомил» (Павлович Н. А. Невод памяти // Человек. 1997. № 2. С. 167). Ряжскому Павлович посвятила стихотворение «Весенние цветы невыразимо хрупки...» (Сирена. 1919. № 4/5. С. 17—18). Ряжский работал в Московском Пролеткульте в 1918 году. Павлович позировала мужу для диптиха «Спящая», отмеченного влиянием кубизма. Ряжский был командирован в Самару в 1919 году для работы в Пролеткульте. Расписывал красноармейские клубы, кинотеатры, украшал город к демонстрациям. Был одним из авторов проекта памятника III интернационалу в центре Самары. В будущем известный художник, автор хрестоматийных для советской эпохи картин «Делегатка», «Председательница».

<sup>2</sup> Петроградское издательство «Алконост» (1918—1923) образовалось летом 1918 года по инициативе владельца книжной лавки С. М. Алянского. «Алконост» был фактически единственным издателем Андрея Белого с 1918 по 1921 год, выпустив в свет шесть его книг. Павлович познакомилась с основателем «Алконоста» Алянским только летом 1920 года. Павлович считала для себя большой честью, что ее стихи были напечатаны в альманахе «Записки мечтателей», издаваемом «Алконостом»: «Мои стихи отдал туда Блок, и мои же стихи поминальные — были напечатаны там в номере, посвященном его памяти» (ИРЛИ. Ф. 578). Стихи Павлович были напечатаны в альманахе: Записки мечтателей. 1921. № 2—3. С. 132—135; 1922. № 5. С. 28—29. См.: Андрей Белый и С. М. Алянский: Переписка / Предисловие и публ. Дж. Мальмстада // Лица: Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 67—115.